

человѣкъ, тѣмъ сильнѣе растетъ въ немъ неутолимая жажда новъ познѣтъ и новыѣ знаній. То же бынуетъ и съ стремленіемъ въ предѣлы счастья: тѣмъ ближе подходить человѣкъ къ нѣмущейся границимъ земли обыкновенной, тѣмъ дальше уходитъ отъ него эта граници. Все впередъ и впередъ зовутъ человека таинственный голоса его природы. Диколѣ Кто снмжотъ!"

По этой же причинѣ не удовлетворился планомъ дѣтъ Серафима и столбничествомъ.

Молчаливничество.—4 декабря 1807 года отошелъ въ нѣбность настоятель пустыни Исаія. Кончина этого досточаинаго старца глубоко отразилась въ любимаѣ сердцѣ о. Серафимъ; въ пощенихъ онъ потерялъ послѣднато на свѣтѣ близкаго ему по дузу чловѣка. Эта потеря обратила и его взору на близость конца земного существованія и послужила для него какъ бы поводомъ къ новому подвигу — молчаливничеству. Съ этого времени старецъ никому не показывался, всли случайно въ встрѣчался съ кѣмъ-либо въ лѣсу, то падалъ ницѣ на землю и не подымался, пока не уходилъ пострѣтившійся. Пому къ нему привозили однамъ въ ведѣлю одиѣхъ монахѣ, но передавалъ тѣмъ, что почти не видѣлъ лица его и уходилъ, не слышавъ отъ молчаливника ни одного слова. Но это только внѣшнее выраженіе молчаливничества; сущность же подвига состоитъ въ совершенномъ отреченіи отъ всѣхъ интересовъ окружающей жизни, въ полномъ сосредоточеніи дуза въ себя, въ безраздѣльномъ сосредоточеніи всѣхъ помысловъ, чувствъ и желаній на единомъ на потребу; это уже какъ бы полный разрывъ съ міромъ для жизни только въ обществѣ съ Богомъ.

Возвращеніе въ монастырь и затворъ.—На третѣмъ году молчаливничества (8 мая 1810 года) старецъ Серафимъ возвратился въ монастырь послѣ пятнадцатилѣтняго пустынножительства. Побудила его къ этому: умалѣтъ снѣтъ и нѣкоторыя недоразумѣнія относительно причщенія вѣнчатыѣ Тавѣ. Но и возмущенности изъ лѣсной чащи въ обитель, старецъ не прекратилъ своего подвига, а только придалъ ему новую форму — затворничество, которое въ сущности есть то же молчаливничество: то же уединеніе отъ людей, то же отрѣшеніе отъ всѣхъ интересовъ окружающей жизни. Строго говоря, являлось только нѣчто подвига: тамъ лѣсная чаща, здѣсь убогая келья, въ которой, кромѣ иконы Богоматери съ горшею закладовъ, была только обрубокъ дерева, служившій вѣсто стула. Но подвигъ черезъ это сталъ еще выше: въ лѣсу—все же богатство впечатлѣній, здѣсь же полное отсутствіе нѣтъ. Затворъ былъ настолько строгъ, что о. Серафимъ не принялъ даже нѣстванаго епископа, желавшаго увидѣтъ его. Только черезъ 5 лѣтъ по возвращеніи въ обитель старецъ ослабилъ строгость затвора, открылъ дверь и къ нему зогъ свободно входить аскетѣ; но самъ онъ изъ затвора не выходилъ: не обращалъ никакого вниманія на приходившій и не отвѣчалъ на обращеніе къ нему вопросы; зѣнѣтъ, еще черезъ 5 лѣтъ, онъ прекратилъ общѣе молчаливничества и сталъ вступать въ бесѣду.

Учительство о. Серафима.—Настало время великаго обществаннаго служенія старца Серафима—учительства его... Длинный путьъ изумительныхъ и изогнѣтнхъ подвигѣвъ, едва только навѣченныѣ званіи, подготовилъ его себя къ этому великому дѣлу.

Такоѣ обычный путьъ спускамъ мудрости всѣмъ великимъ подвижникамъ. Вдале отъ міра в сумѣ дѣтейской, въ уединенной ли кельѣ, въ лѣсной ли чащѣ, или въ темной пещерѣ, мысленное дѣланіе нѣтъ начиналось общино самоуглубленной работой надъ собой: въ душѣ нѣтъ совершался тотъ глубокий процессъ внутренняго самоиспытанія, который на языкѣ нашего времени называють "пероцѣвкой всѣхъ своихъ субъективныѣхъ цѣнностей и дрованій" и подѣхъ аліаніи отъ котораго истиненно совершается, при содѣйствіи Божіей благодати, какъ бы полное преобразование остоѣтвеннаго чловѣка въ чловѣка благодатнаго. Радость съ знѣтъ духовныѣхъ преобразованійъ путевъ Богомыслии и душеспасительнаго